

Еще раз вдоль Фонтанки*

М. М. Фокин, В. И. Мусаев

За Обуховым мостом мы увидим сразу два учебных заведения. Когда-то оба они были военными. Начнем с того, которое остается военным и по сей день — с Ракетно-артиллерийского кадетского корпуса. Здесь мы встречаем сюжет, который ставит нас в затруднение. Мы сумеем лишь слегка коснуться его и надеемся, что кто-нибудь все-таки его разработает.

Все знают про Ботанический сад на Аптекарском острове (преобразованный Аптекарский огород Петра I). М. И. Пыляев уверял, что при Петре был некий 1-й Аптекарский ботанический сад и был он «на участке, ограниченном Фонтанкой (до 1/4 версты), Обуховским проспектом и 1-й ротой Измайловского полка, где теперь Константиновское училище)...» Б. М. Кудашев, впрочем, говорил, что Ботанический сад там так и не был создан. Потом, если верить М. И. Пыляеву, там был построен дворец для Р. И. Воронцова (в 1757 году). Здание это находится, строго говоря, не на Фонтанке — его адрес: Московский пр., 18. Но оно попало в поле нашего зрения, так как участок все же выходил на Фонтанку. Как писал Пыляев, архитектором, создавшим этот дворец, был Кваренги. Понятно, что здесь у Пыляева что-то не сходится, ведь Кваренги родился в 1744 году. Впрочем, у Пыляева даты часто не сходятся. Видимо (опять, увы, это словечко «видимо», которое употребляется тогда, когда нет точной ссылки), этот дворец и есть тот самый «Ашев дом», который упоминал уже И-Г. Георги, когда описывал современный ему Петербург (конец XVIII века): «Императорская Российская Академия имеет свои заседания в прежнем Ашевом, а ныне ей принадлежащем каменном доме по левой стороне Фонтанки, за Обуховым мостом, на большом месте, что перед домом, стоят два каменных строения по набережной». Далее Георги сообщал, что в 1785 году Екатерина II пожаловала дом и имевшийся при нем сад обеим академиям, а Дашкова определила дом для Российской акаде-

мии, а сад — для Академии наук. Впрочем, известно, что Российская академия вскоре обосновалась на Васильевском острове и находилась там до самого объединения ее с Академией наук. А история здания шла своим чередом. С 1797 года в нем располагался Военно-сиротский дом. В 1829 году он был назван Павловским корпусом, в 1894 году заведение было переименовано в Константиновское артиллерийское училище, и нам кажется, именно под этим названием оно приобрело известность. Многочисленные перестройки здания — это отдельная тема. Ее пусть разбирают специалисты. Скажем, однако (славившись на Б. М. Кирикова), что нынешний вид здания — результат перестройки 1908 года (архитектор Н. А. Архангельский).

Не касаясь истории училища, хочется упомянуть лишь одно весьма интересное учреждение, располагавшееся на его территории (адрес: наб. Фонтанки, 112) во время Первой мировой войны. О нем рассказывает «Весь Петроград» за 1917 год. Невозможно удержаться от соблазна процитировать его целиком: «Именная помощь русским военнопленным, томящимся в Австро-Германском плену. Цель кружка — облегчить тяжесть плена русским солдатам через посредство официальных источников. Кружок получает списки русских военнопленных и раздает лицам, желающим принять на себя заботу (посылка писем, вещей) по одному, по два и более. Списки составляются из имен лиц, ничего не получающих от родных из России». Как говорится, комментарии излишни.

Поэтому обратимся к противоположному берегу Фонтанки. Там в 1810 году разместилось другое военное учебное заведение — Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Оно располагалось там до 1823 года, когда для него было построено специальное здание (нынешний адрес: Московский пр., д. 9). Интересно отметить, что это учебное заведение, как и то, которое мы только что упо-

мянули, расположилось в здании, изначально построенном как дворец. Последним хозяином этого дворца был Н. Б. Юсупов. И, может быть, другой автор, рассказывая об этой части набережной, сделал бы акцент не на учебных заведениях, а именно на дворцах. Тем более что и Р. И. Воронцов, и Н. Б. Юсупов — личности весьма интересные и достойные рассмотрения. Опять приходится вспомнить старую истину, что нельзя объять необъятное.

Итак, институт. О том, что он представлял собой в первые годы своей работы, подробно рассказывал Ф. Шредер в своем «Новейшем путеводителе по Санкт-Петербургу» (СПб., 1820). Кстати, хороший путеводитель, давая подробную картину жизни города на определенный момент (для практических надобностей современников), становится для потомков ценным источником. «Молодые люди, желающие поступить в сей институт, должны уже иметь весьма достаточные познания, а особливо в языке французском; поелику лекции читаются на оном», — писал Ф. Шредер.

Дальнейшая история института, несомненно, тоже очень интересна. Рассматривать ее нужно было бы в отдельной статье. Мы лишь коснемся того, что был в жизни института такой интересный период, когда внутри него зародились еще два впоследствии самостоятельных института. Так, «Весь Ленинград» за 1928 год, рассказывая о ЛИИПСе (Ленинградском институте инженеров путей сообщения) им. Я. Э. Рудзутака (!), перечисляет факультеты: сухопутный и водный (с отделением воздушных сообщений).

А рядом с бывшим Юсуповским дворцом, в домах 117 и 119, располагалось Министерство путей сообщения. В д. 117 были Совет министра, Инженерный совет, Совет по железнодорожным делам, Учебный отдел. Хотелось бы упомянуть несколько замечательных людей, служивших во всех этих канцеляриях (в штате или сверх шта-

* Окончание. Начало см. № 5 (9) за 2002 г., № 2 (12) за 2003 г.

Юсуповский дворец (наб. р. Фонтанки, 115)

та) в начале XX века. Среди служащих Инженерного совета были И. С. Китнер, Вас. А. Косяков, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. К сожалению, последний больше известен как отец замечательного искусствоведа, многолетнего сотрудника Эрмитажа В. Ф. Левинсон-Лессинга. А между тем именно он, а не его сын, отмечен мемориальной доской на стене знаменитого «дома академиков» на Васильевском острове. В Совете по железнодорожным делам служил М. Н. Бенуа.

Соседний дом, 119, принадлежал МПС, но располагались в нем учреждения, подчас не имевшие отношения к железным дорогам. Об одном из них хочется рассказать подробнее. В начале XX века там располагалось Императорское российское общество рыбоводства и рыболовства. Среди его почетных членов были Альберт I, князь Монакский, С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткин... Вице-председателем общества был Сергей Николаевич Ленин. Служил он, кстати, в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Его брат Николай Николаевич Ленин служил в Министерстве юстиции. Была уважаемая фамилия... Но в 1895 году паспорт их отца, Николая Егоровича Ленина, попал в руки одному молодому марксисту, который вскоре стал подписывать свои статьи: Н. Ленин. Впрочем, эта история к Фонтанке отношения не имеет.

Как мы уже упоминали, историю противоположного берега Фонтанки

от самого Обухова моста, может быть, следовало бы представить как историю усадеб. Вот и участок домов 114–116 сначала Петр I подарил А. И. Румянцеву (отцу полководца П. А. Румянцева и деду государственного деятеля Н. П. Румянцева). Потом там располагалась усадьба одного из Зубовых. Впрочем, об этом подробно и интересно написал П. Я. Канн (как и о том, что позднее здесь располагался дом Г. Э. Боссе). Поэтому, не задерживаясь, перейдем сразу к соседнему д. 118, который в 1791 году купил недостроенным Г. Р. Державин.

До этого, кстати, он жил (1790–1791) в доме Российской академии, который мы только что упоминали. Этот же дом он купил у И. С. Захарова. О том, что это сенатор, помнят. О том, что это писатель и переводчик, уже забыли. Неизвестен архитектор, по проекту которого строился тот дом, который купил недостроенным Державин. Для Державина дом строил его друг Н. А. Львов. Он же, кстати, делал проект и того державинского дома, который должен был стоять на углу Фонтанки и Невского. В 1785 году городская управа выделила там Державину участок под застройку. И если бы все получилось, сейчас по адресу: наб. Фонтанки, д. 29, стояло бы гораздо более выразительное здание, чем ныне. Впрочем, обо всем этом подробно написала А. Б. Никитина в «Ленинградской панораме» № 10 за 1986 год. Интерьеры дома (ныне не существующие) подробно описаны у

М. И. Пыляева. В общем, об этом доме, столь много значившем для нашей литературы, сказать что-либо не слишком известное мы не беремся.

Между тем переулок на противоположном берегу тоже кое-что значит для нашей литературы. Переулок Бойцова (по-старому – Малков переулок) упоминается в романе В. В. Крестовского «Петербургские трущобы». В один из домов в этом переулке Хлебонасушенский принес младенца Бероевой (от младшего Шадурского). На углу этого переулочка и Фонтанки (точнее, на огромном участке между Малковым, Фонтанкой, Вознесенским и Садовой) во 2-й половине XIX – начале XX века располагался Ново-Александровский рынок, или, в просторечии, Толкун. Порядком-таки забытый поэт Н. Ф. Щербина в одном из своих стихов против революционеров-демократов сказал, что у них все понятия «с Толкуна или с Сенной».

Итак, мы вышли к тому месту, где Фонтанку пересекает транспортная магистраль: справа это Вознесенский, слева – Измайловский проспект. В 1923 году Измайловский проспект был переименован в проспект Красных Командиров, а Вознесенский – в проспект Майорова. Остается удивляться, почему же не переименовали саму Фонтанку в честь какого-нибудь, например, Зиновьева. Название Измайловскому вернули быстро – в 1944 году. Проспект Майорова люди постарше еще помнят. Не помнят только, кто же такой Майоров. И удиви-

тельно, что в свое время пропаганда не внедрила в сознание образ того, в честь кого назвали одну из центральных улиц. Даже в 1989 году не отметили 100-летие со дня рождения Петра Васильевича Майорова. Впрочем, личность эта и не представляется яркой. Выходец из крестьянской семьи (из Тверской губернии), он, хотя и работал в Питере на заводе, ощущал себя крестьянином, был членом партии эсеров. Большевиком стал только в 1917 году. В 1919 году погиб на Восточном фронте (служил в политотделе 4-й армии). Почему именно в его честь назвали проспект — трудно сказать. Обратимся лучше к тому времени, когда оба проспекта не были еще переименованы. Измайловский проспект напоминает нам про Измайловский полк, тем более что угловой дом (по Фонтанке — д. 120, по проспекту — д. 2) строился в конце XVIII века для командира полка Гарновского. Сейчас он стоит в несколько перестроенном виде, но и тогда он был роскошен. Впрочем, роскошный дом Гарновский строил не на жалованье гвардейского полковника. А на какие средства — об этом, во-первых, подробно рассказывает М. Н. Пыляев, во-вторых, сосед Гарновского Державин посвятил этому дому некоторые стихи. Например, когда Державину стало известно, что Гарновский просил у Екатерины II пособие на достройку дома, он написал такую эпиграмму:

*Возри, монархиня! на дом,
покрова не имущий,
В столице от крупиц
царя Тавриды суший,
Возри! и украси
сей хижинной твой трон:
Прибавь к украденным
еще хоть миллион.*

Хочется вспомнить и о некоторых других офицерах этого полка. Один из них летом 1900 года (в лагере в Красном Селе) написал замечательное стихотворение «Наш полк». Вот лишь часть его:

*Все благородное — отвага,
доблесть, долг,
Лихая удаля, честь,
любовь к Отчизне славной,
К великому Царю
и к вере православной
В едином слове том
сливается — наш полк.*

Да, кстати, звали этого офицера Константин Константинович Романов.

Впрочем, вспоминая Измайловский полк или говоря о Вознесенском проспекте, мы можем забыть о Фон-

танке. Чтобы этого не произошло, отправимся дальше. В д. 131, как свидетельствует «Всеобщая адресная книга Петербурга» за 1867—1868 годы, жил генерал-майор С. В. Кербедз 1-й. Дом, конечно, выглядел тогда не так, как теперь. В 1914 году он был перестроен по проекту А. Л. Лишневого (наиболее известное произведение этого архитектора — дом с башней на углу Садовой и Вознесенского). 1-й этот Кербедз потому, что был и Кербедз 2-й — его младший брат. Кстати, в литературе о мостах существует расхождение — где-то написано, что Кербедз, начиная строительство моста через Неву (нынешнего моста Лейтенанта Шмидта), был капитаном, где-то — что он был поручиком. Действительно, Станислав Валерианович Кербедз (то есть 1-й) был капитаном, а Ипполит Валерианович (то есть 2-й) — поручиком. Интересно еще, что на внучке Станислава Валериановича Вере Владимировне был женат М. М. Зоценко.

На противоположном берегу, в д. 132, располагалась Александровская больница. О ней столь подробно написал Б. М. Кудашев, что дополнить возможно очень немного. Интересно, что в этом здании, оказывается (свидетельствует все та же «Всеобщая адресная книга...» за 1867—1868 годы) жил гражданский инженер Карл Яковлевич Маевский. Он прославился постройкой некоего здания на Шпалерной, где жили многие замечательные люди. Так, например, жил в нем В. И. Ульянов (в камере № 193), несколько позже — Д. С. Лихачев (в камере № 273). История дома на Шпалерной — это отдельный, очень интересный сюжет.

В связи с больницей нужно упомянуть еще бюст Александра II работы скульптора Николая Акимовича Лаврецкого, установленный перед зданием в 1893 году. Его не стало после 1917 года. Лаврецкий работал много, но, увы, очень немногое сохранилось. Из его работ, дошедших до нас, в первую очередь вспоминается бюст И. И. Бецкого перед д. 50 по наб. р. Мойки.

Ну а где больница, там, само собой, и медицинская пресса. Неподалеку, в д. 143, в конце XIX — начале XX века была редакция еженедельной газеты «Русская медицина». Рядом, в д. 145, с 1892 года располагался «Вестник Российского общества Красного Креста». Но в этом доме располагалась не только медицинская пресса. О журнале «Русская старина»

мы уже упоминали в самом начале. Его история закончилась в д. 18. А в д. 143 он располагался в конце XIX — начале XX века. Его редактором с 1901 года был генерал-лейтенант Н. Ф. Дубровин, а издателем — генерал от инфантерии С. П. Зыков. Он же в 1907 году стал редактором. Между тем с 1892 года Сергей Павлович Зыков издавал ежемесячный журнал для войск и народа «Досуг и дело». Редакция располагалась там же. В том же доме была и квартира Зыкова.

Тем временем мы оказались там, где с Фонтанкой соединяется канал. И.-Г. Георги упоминал его в своем путеводителе как Никольский. Его прорыли в 1782—1787 годах от Мойки до Фонтанки. Поскольку этот канал был не что иное, как продолжение Крюкова канала, соединившего Неву с Мойкой, со временем весь канал (от Невы до Фонтанки) назвали Крюков. Крюков канал — тоже интереснейшая тема. Ее недавно блестяще раскрыл В. П. Исаченко, поэтому мы о Крюковом канале ничего говорить не будем. Нужно лишь упомянуть, что в 1910 году Л. Бенуа, М. Перегаткович и Ф. Енакиев разработали план полной перестройки центра города, чтобы приспособить старый Петербург к новым требованиям, которые предъявлял столетие государства XX век. По этому плану на месте Крюкова канала должна была появиться улица — чтобы связать с Благовещенской площадью новую площадь около Измайловского собора. Остается только порадоваться, что вскоре обстоятельства помешали вообще строить какие-либо планы перестройки, а затем и надобность в подобных планах исчезла.

Больше до самого Лермонтовского проспекта не будет ничего, о чем мы могли бы рассказать. У пересечения с Лермонтовским проспектом хочется упомянуть о том (хотя об этом и рассказывает энциклопедический справочник «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград». М., 1992), что Лермонтовский проспект появился только в 1912 году, до этого были три отдельные улицы. Так, на нашем пути вдоль Фонтанки слева начинался Ново-Петергофский проспект, который шел до Обводного канала, а вправо уходила к Екатерининскому каналу Могилевская улица. Сейчас о том, что она была, напоминает Могилевский мост через канал Грибоедова у самого начала Могилевской улицы, там, где у канала заканчивалась Большая Мастерская улица.

А по ту сторону Лермонтовского пр. — д. 159. Это, наверное, самая красивая постройка А. Ф. Бубыря, в наибольшей степени «северный модерн». В одной из радиопередач серии «Прогулки по Петербургу» В. Бузинов очень интересно рассказал о хозяине этого дома (который и заказал его постройку) — о купце Константине Ивановиче Капустине, а также о тех, кто снимал в нем квартиры (а квартиры снимали многие балерины Мариинского театра).

На четной стороне Фонтанки сразу за гостиницей «Советская» раскинулись корпуса Экспедиции изготовления государственных бумаг (ныне фабрика «Гознак»). Заведение это столь серьезное, что о нем подробно рассказывается в словаре Брокгауза. Там, в частности, говорится о том, что бумага для ассигнаций сначала производилась на частных фабриках, с 1785 года — на казенных бумажных «мельницах» в Ропше и Царском Селе (печатали ассигнации в Сенатской типографии), а в 1814 году приобрели участок земли и в 1816—1818 годах построили здания для Экспедиции. В словаре Брокгауза (то есть для всей России!) было сказано, что этот участок земли был приобретен на Фонтанке.

Работа Экспедиции началась в 1819 году. К началу XX века (ко времени выхода соответствующего тома словаря) по действовавшему на тот момент Положению об экспедиции (принятому в 1878 году) управляющий Экспедицией назначался и увольнялся лично царем по представлению министра финансов. Рабочие Экспедиции имели 8-часовой рабочий день, у их детей были свои школа, ясли, больница...

Пятиэтажный корпус гостиницы построили в 1972 году как раз на месте жилого дома Экспедиции (д. 144). Этот жилой дом нужно рассматривать вместе с ныне существующим домом 144 а. Сейчас это административное здание фабрики. Свой нынешний вид оно получило в 1905 году — была перестройка по проекту Евгения Романовича (Робертовича) Баха. Этот архитектор, пожалуй, более известен своей мемориальной доской к 100-летию Лицея на стене лицейского здания, а также, конечно, и тем, что он брат того самого Роберта Робертовича Баха — скульптора, автора памятника Пушкину-лицейцу в лицейском саду. Е. Р. Бах, кстати, и жил в этом здании с начала XX века. Там же с 1914 году жили Г. Г. Голи и

А. А. Даугель. Тогда же в том здании начались репетиции Великорусского оркестра. Потом (если только мы верно поняли справочник «Весь Петроград») эти репетиции переместились в соседний д. 144. Шла война с Германией, а тут все так патриотично — балалайки, домры, гусли... Оркестр играл под управлением Евгения Рудольфовича фон Левена. Кроме того, во время Германской войны (по тому же источнику) Голи и Даугель тоже жили там.

Дальше до самого д. 148 идут корпуса Экспедиции. А на противоположном берегу наше внимание привлечет, конечно, д. 165. Он принадлежал самому Иерониму Севастьяновичу Китнеру — как это часто бывало, по его проекту дом и был построен (точнее, перестроен) в 1903—1904 годах. Жил в этом доме его сын Максимилиан — тоже архитектор, но не такой известный.

В д. 148 с 1797 по 1904 год находился Повивальный институт. О нем упоминал в своем «Новейшем путеводителе...» 1820 года еще Шредер (Герорг чуть-чуть не успел). Шредер писал, что в 1797 году Мария Федоровна купила дом графа Зубова и основала там Родильный и повивальный институт. О нем подробно рассказывает все тот же энциклопедический справочник «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград». В 1893 году директором этого заведения был назначен Д. О. Отт. Его квартира находилась в том же здании. Именно он добился перевода института в новое здание на Васильевском острове, где он располагается и по сей день. А в здании разместилась больница им. Кауфмана, при ней — община сестер милосердия Красного Креста им. генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана и школа сиделок Красного Креста. Как свидетельствует «Весь Петербург» за 1906 год, «Община имеет целью подготовку высшего женского санитарного персонала, школа сиделок — низшего. В общину принимаются только лица, окончившие гимназии, институты или епархиальные училища». При советской власти больница стала называться им. М. С. Урицкого.

Дальше по левому берегу идут сплошь больницы. Д. 152 — Елизаветинская детская больница. О ней тоже написано достаточно, поэтому мы хотели бы упомянуть только некоторых членов попечительского комитета больницы, которых называет справочник «Весь Петербург». Так, и в

конце XIX, и в начале XX века среди членов комитета упомянуты и Дмитрий Оскарович Отт, и Иван Васильевич Рукавишников. Богач Рукавишников вспоминается в первую очередь как отец Елены Ивановны Рукавишниковой — жены Владимира Дмитриевича Набокова и матери Владимира Владимировича Набокова. «Весь Петербург» за 1901 год называл почетным попечителем Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.

В следующем доме — 154 — тоже больница. В 1897 году при Крестовоздвиженской общине была открыта Александро-Мариинская больница и лечебница для приходящих больных. Здание было построено по проекту Ю. Ю. Бенуа.

Крестовоздвиженская община сестер милосердия была столь значительна, что о ней тоже есть статья в словаре Брокгауза. Там рассказывается, что община была создана в 1854 году и отправила в Крым 120 сестер. Из них умерли 10. А всего на театры Восточной войны отправили 250 сестер. До 1894 года община находилась в ведомстве Елены Павловны. Потом она стала подчиняться Российскому обществу Красного Креста.

В д. 156, на углу со Старо-Петергофским проспектом, находится Морской госпиталь. Если верить мемориальной доске, укрепленной на фасаде со стороны проспекта, он был основан еще при Петре I. Это, конечно, так, только тогда этот госпиталь находился на Выборгской стороне, где теперь главное здание Военно-медицинской академии. По проекту Д. Трезини были построены рядом два здания — для Морского и для Сухопутного госпиталей. О Морском госпитале — о том, как он выглядел, какие там были порядки — очень интересно написал Джон Кук в книге «Путешествия и странствия по Российской империи» (1736). Мы ее уже упоминали в самом начале нашего путешествия по Фонтанке — цитировали ее по сборнику Ю. Беспятых «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях». В каком году госпиталь был переведен сюда, точно сказать не можем, но здание было построено (по Б. Кудашеву) в 1826 году, а «Всеобщая адресная книга...» за 1867—1868 годы упоминает по этому адресу Морской Калининский госпиталь.

Итак, мы дошли до Старо-Петергофского пр. Когда-то гармонировали друг с другом названия Ново-Петергофский и Старо-Петергофский. По-

том Ново-Петергофский стал частью Лермонтовского, потом (в 1923 году) Старо-Петергофский стал проспектом Юного Пролетария. Это забавное название существовало до 1933 года, когда проспект получил наименование в честь И. И. Газа.

Прежде чем перейти проспект, посмотрим на противоположный берег реки. Там, впрочем, мы не найдем ничего, кроме того, что давно хорошо известно. Вот разве только д. 185. Казалось бы, уж он-то известен хорошо — дом, где с 1817 по 1820 год жил А. С. Пушкин. И тем не менее вице-адмирала Алексея Федотовича Клокачева, тогдашнего хозяина дома, вспоминают не очень. Не вспоминают, что он участвовал в войне со Швецией 1788–1790 годов, в убийстве Павла... Возможно, его больше помнят в Вологде, где он служил генерал-губернатором. Его отца, Федота Алексеевича, участника Чесмы, вспоминают еще реже.

В связи с жительство в том доме А. С. Пушкина вспоминается одна веселая и добродушная эпиграмма А. А. Дельвига (Пушкин жил у родителей, а его отец был несколько скуповат):

*Друг Пушкин! Хочешь ли отведасть
Дурного масла и яиц гнилых?
Так приходи со мной обедать
Сегодня у твоих родных.*

Л. Н. Павлицев пишет в своих воспоминаниях (конечно, со слов матери), что Александр Сергеевич нарочно нарвался на ссылку (то есть нарочно писал неосторожные стихи), чтобы вырваться из-под опеки своей матушки Надежды Осиповны.

Больше до самой Калининской площади нам нечем привлечь внимание читателя. Разве только вспомнить, что название «Калинкина» хранит память о том далеком времени, когда города еще не было, а была на этом месте финская деревня Каллина, которую русские переименовали в Калининку — так понятнее. Обо всем этом писал Столпянский. Река, кстати, тогда называлась по-фински Кемейоки. О морском сражении здесь, в устье Фонтанки, 7 мая 1703 года, хорошо написал Горбатенко, о Подзорном дворце — Грабарь и Пыляев. Единственное, на чем хочется акцентировать внимание в связи с дворцом (находившимся на территории нынешнего Адмиралтейского завода), — если бы он сейчас существовал, это

была бы единственная в городе постройка голландского архитектора Стефана ван Звиттена. Как верно отметил И. Э. Грабарь, Петр I, хоть и любил Голландию, мало приглашал голландских архитекторов.

Перейдя Старо-Петергофский проспект, мы увидим на берегу реки пустую площадку. Как пишет Б. М. Кириков, здесь была часовня. Ее построили в 1891–1892 годах по проекту В. А. Косякова в память о спасении императорской семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 года. По этому случаю по всей России было построено много часовен. Строились они наскоро и художественным своеобразием не отличались.

Итак, мы идем вдоль левого рукава Фонтанки. Напротив нас, на острове, — Адмиралтейский завод. До устья остается всего несколько зданий. Понятно, что здесь, на далекой окраине, старались расположить заведения, содержать которые в центре или ближе к центру было по тем или иным причинам неудобно.

Вот, например, д. 164. Здесь располагался Благородный пансион при Педагогическом институте, но располагался он тут недолго — с 1817 по 1820 год. Потом его перевели значительно ближе же к центру. Дом приобрел свой нынешний вид уже после переезда пансиона — в 1823 году. Что здесь располагалось потом — мы, увы, сказать затрудняемся. А с конца XIX века здесь размещалось Николаевское женское училище. «Весь Петербург» за 1901 год сообщал, что училище состоит под покровительством императрицы, что оно «имеет целью тем из воспитанниц Николаевского сиротского института, которые не в состоянии продолжать курс наук, дать сообразно их умственным способностям воспитание». Значит, училище было для неполноценных. А список предметов вполне соответствует нашим понятиям о норме: есть и русский, и французский языки, история, география, арифметика... Почетным опекуном училища был Николай Аркадьевич Тимирязев — брат знаменитого Климента Аркадьевича.

В соседнем д. 166 была больница, которую тоже хотелось спрятать подалеке, а при ней было и училище.

Историю этого места нужно начинать, видимо, с деревянной церкви Св. Екатерины, построенной в 1721 году.

В 1781 году церковь была перенесена в другое место, а в 1837 году была построена каменная церковь во имя Св. Екатерины на Старо-Петергофском проспекте. А на участке д. 166 в 1778 году была создана венерическая больница. В 1863 году при больнице было организовано училище, название которого может сбить с толку. Это Суворовское училище. Оно готовило повивальных бабок, организовано было по инициативе тогдашнего генерал-губернатора Петербурга Александра Аркадьевича Суворова. «Весь Петербург» за 1906 год говорит, что училище «Имеет целью обучить повивальных бабок распознаванию и лечению венерических болезней у женщин и детей и практически познакомить их с некоторыми... болезнями и вообще подготовить лиц, имеющих диплом повивальной бабки 1-го разряда, к исполнению на земской и городской службе должности фельдшер-акушерки». Практику проходили в Калининской (то есть своей), Обуховской и Александровской больницах (между прочим, все три на Фонтанке). Курс обучения составлял два года, вступительные экзамены по общеобразовательным предметам требовали знания их на уровне прогимназии.

И последнее, чему мы уделим внимание, это д. 170. Накануне большевистского переворота это было Акционерное общество по обработке строительного камня «А. Д. Благодарев». Хозяин, инженер-архитектор Аполлинарий Денисович Благодарев, жил там же. Именно у него служил инженер Балинский, подавший в 1902 году в Городскую думу проект метрополитена.

Итак, мы закончили нашу прогулку по Фонтанке. Мы подошли к устью. Почему-то в литературе пишется, что Фонтанка впадает в Неву. На наш взгляд, она впадает в Финский залив. По пути мы коснулись самых разнообразных сюжетов — и истории культуры, и истории медицины, и истории техники. Мысленно мы побывали и в XVIII веке, и в XIX, и в начале XX века. Вспомнили многих замечательных людей — и тех, чья жизнь была так или иначе связана с Фонтанкой, и тех, которые сделали Фонтанку темой своих исследований. Надеемся, что наши скромные заметки станут неплохим дополнением к той картине, которую они создали общими усилиями.